

мились быть оригинальными, однако в работе, имеющей целью выявить наиболее характерные черты византийской культуры, вероятно, следовало бы приводить и наиболее характерные примеры, привлекая данные результатов раскопок, ведущихся не на бывшей окраине империи, а в таких, например, характерных для Византии городах, как Сарды или Эфес.

В разделах главы, посвященных общественной, духовной и повседневной жизни, констатируется невозможность для большей части населения проявлять политическую активность, что привело к возрастанию роли духовной жизни и подходу к практической жизни как подготовке к жизни духовной. В сфере повседневной жизни основной массы населения Ф. Винкельман подчеркивает роль семьи. Воспитание детей в ранней Византии характеризуется им на основе критических высказываний Иоанна Златоуста в его проповедях, где великий проповедник упрекает прихожан за то, что они заботятся о детях гораздо меньше, чем о домашних животных (С. 166—167). Однако вряд ли можно столь абсолютизировать слова Иоанна Златоуста, тем более что он имел в виду духовную сторону воспитания (религиозный его аспект). Гораздо интереснее, на наш взгляд, было бы задаться вопросом о целях воспитания, о том, какими хотели видеть в будущем своих детей византийцы, причем представители разных слоев общества.

Лев Дьякон. История / Пер. М. М. Копыленко, ст. М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова, отв. редактор член-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988.

Как известно, у книг бывают трудные судьбы. На долю этой книги трудная судьба досталась еще до выхода в свет. Перевод сочинения Льва был выполнен М. М. Копыленко еще в 50-х годах, но долго ждал своего редактора и комментатора. Эти обязанности принял на себя в 1972 г. профессор М. Я. Сюзюмов, однако довести дела до конца не успел, недописанный комментарий дополнил С. А. Иванов, и вот наконец в 1988 г. стараниями Г. Г. Литаврина и С. А. Иванова в серии «Памятники исторической мысли» появился наконец этот ставший уже коллективным труд.

«Русский» Лев Дьякон безусловно необходим нашим ученым и интересующимся историей читателям. Дело не только в том, что «История» Льва — один из важнейших византийских источников, в том числе по нашей отечествен-

Спорным, на наш взгляд, является высказанное в этой главе соображение о том, что византийская цивилизация являлась аграрной по своей экономической сути. Если с известными оговорками так можно сказать о Византии второй половины VII—IX в., то применительно к периоду IV—первой половины VII в. для этого вряд ли есть основания, ибо Византия оставалась тогда страной городов (их насчитывалось в эпоху Юстиниана около 1200, и они не являлись по своему типу аграрными городами⁸).

Вместе с тем в главе есть и ряд тонких, интересных наблюдений. Так, музыка рассматривается здесь в тесной связи с риторикой, ибо, как удачно подметил Ф. Винкельман, музыка подчеркивала ритм языка (с. 146—147).

Несомненным достоинством книги является богатство ее иллюстративного материала, подобранного с большим вкусом и отражающего широкую научную эрудицию авторов.

Отрадно и то, что написана она в полемическом ключе, и если верно то, что книги отражают характер их авторов, то можно утверждать, что для Ф. Винкельмана и Г. Гомолки-Фухс дискуссия — одна из основных форм научной жизни. А истина, как известно, рождается в споре.

А. Чекалова

⁸ *Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert.* München, 1969. S. 13, 160—179.

ной истории. Это произведение также и весьма знаменательная веха в развитии исторической мысли и литературы. Впрочем, последнее утверждение разделяется далеко не всеми, и в том самом «Византийском временнике», для которого пишется эта рецензия, П. О. Карышковский, выражая отнюдь не только свои личные взгляды, назвал Льва Дякона «посредственным историком-подражателем»¹. Настоящее издание позволит вынести суждение о Льве гораздо большему кругу специалистов, и их мнение, можно надеяться, не совпадет с суждением П. О. Карышковского.

Книга состоит из вводных замечаний редактора, полного перевода текста

¹ *Карышковский П. О. Балканские войны Святослава в византийской литературе* // ВВ. 1953. Т. VI. С. 53.

«Истории» и «Дополнений» (их составляют переводы эконома Льва Диакона Василию II, отрывков из сочинения Продолжателя Феофана, «Книги церемоний» Константина Багрянородного, так называемого «Ватиканского анонима», «Хронографии» Скилицы, стихов Иоанна Геометра, а также фрагментов «Повести Временных лет» — все эти тексты тематически связаны с «Историей» Льва Диакона), статьи «Лев Диакон и его время», комментарии и библиографии.

Как видно уже из простого перечня, издательство «Наука» выпустило на русском языке настоящий комpendium по истории византийского региона конца X в. Книга действительно выполняла бы эту роль, если бы не существенный недостаток, винить в котором надо в первую очередь издателей: в книге нет ни одного указателя. Таким образом, всякая попытка быстро отыскать нужное место, сравнить сведения об одном и том же герое, событии, географическом пункте заранее обречена на неудачу. Если при этом учесть, что сколько-нибудь дельного указателя нет и в «боннском корпусе», с текста которого делался перевод, этот недостаток станет еще очевидней. Следовало бы заранее договориться о том, что подобные издания вообще не могут выходить без указателя, а в случае уж очень сильного диктата издателей авторы должны были бы поступиться любыми страницами (разумеется, кроме самого перевода «Истории»), только не указателями.

Перевод, выполненный М. М. Копыленко и отредактированный С. А. Ивановым, в целом ясен и точен. Рецензент сравнил с оригиналом русский текст двух книг (второй и шестой) и может представить промахи, обнаруженные им в результате пристрастного чтения. В двух случаях обнаружены пропуски отдельных частей фраз оригинала (ὡ καὶ περιπάσας τὴν τῶν Ῥωμαίων ὀριζήν. — р. 23.3—4 по боннскому корпусу — и τὸν ἵππον τε σφοδρῶς κεντρίσαι τοῖς μύσφι. — р. 108.2). Слова: «...они (критяне. — Я. Л.) долгое время благоденствовали, пользуясь милостивым расположением судьбы и не испытывая никаких бедствий, которые, подробно керам, несет с собой переменчивое течение времени» (с. 18—19) — переведены неточно, ибо под «керами» вряд ли здесь, как утверждается в комментарии, понимаются довольно экзотические античные богини. Скорее всего, слово это использовано в нарицательном смысле и значит «горести». Да и вообще в этой фразе не «переменчивое течение времени» уподобляется «богиням керам», а «горести» («кержы») служат синонимом и уточнением «бедствий» (ὡσανεὶ τινὰς κῆρας — р. 27.15).

На той же странице переводчик, по нашему мнению, неправильно переводит слова: ἐπὶ τὴν χώραν αὐθις ἀπῆγε τὴν δύναμειν (р. 27.22) (речь идет о Никифоре Фоке, захватившем столицу Крита) как «вывел свое войско в новые области». Видимо, имеется в виду не «новые области», а сельская округа города. Таково обычное значение слова χώρα, вполне пригодное и в этом контексте.

По нашему мнению, нет необходимости переводить βωμολογία (р. 24.23) как «вымогательство у алтаря». Свой этимологический смысл это слово потеряло уже в далекой античности и означает не более как «шутовство» или «балагурство».

Остальные замечания носят в известном смысле «вкусовой» характер. Нужно ли вводить в русский язык слово «техниты» (греч. τεχνίται. — р. 16.21), которого нет ни в одном словаре. То же самое относится и к «катархонтам» (греч. κατάρχων). Не проще было бы именовать их «мастерами» и «военачальниками». Не следует ли выражение: τὸ ψυχίδιον ἁποφύσῃσιν (р. 25.7) — передать как «испустил душонку», а не «испустил дух», чтобы донести до читателя уничтожительный смысл подлинника, и надо ли греческое τοὶ γάρουβιν передавать канцелярским «исходя из этого»?

Характер замечаний говорит сам за себя. Бедность наших претензий свидетельствует о высоком уровне адекватности перевода. Впрочем, одно замечание носит все-таки более или менее принципиальный характер. Необходимые по смыслу, но отсутствующие в оригинале слова переводчик нередко заключает в квадратные скобки. Эти скобки уместны только в буквальном переводе или подстрочнике. Ни тем, ни другим, к счастью, перевод «Истории» Льва Диакона не является. Если бы переводчик стал последовательно употреблять квадратные скобки, ему пришлось бы заключить в них добрую треть текста. Не логичнее ли вовсе отказаться от скобок?

Комментарий хорошо дополняет перевод. Его авторам удалось избежать двух крайностей: фрагментарного комментирования случайно выбранных мест, с одной стороны, и скучной демонстрации эрудиции по любому поводу — с другой. Статьи комментария почти всегда «работают», ибо дают необходимые разъяснения к тексту и в то же время во многих случаях вводят в научную проблематику, связанную с тем или иным пассажем.

Особое место не только в книге, но и в истории отечественной византистики занимает большая статья М. Я. Сюзюмова «Лев Диакон и его время». Она вышла уже после смерти автора и как бы венчает собой научную карьеру ученого.

Вспомним, первая печатная работа Михайла Яковлевича появилась более шестидесяти лет тому назад и тоже была посвящена Льву², в 1971 г. профессор Сюзюмов опубликовал весьма важную работу о мировоззрении Льва³, и таким образом «тема Льва Диакона» проходит через все научное творчество покойного ученого. Статья носит монографический характер (состоит из разделов «Византийское общество», «Биография Льва Диакона», «Источники», «Рукописи „Истории“ Льва Диакона») и подводит итог многолетней работе ученого. В первом разделе дается квинтэссенция взглядов Михайла Яковлевича Сюзюмова на византийское общество. Эти воззрения неоднократно становились предметом обсуждения. Здесь не место вновь затевать дискуссии. Скажем только, Михаил Яковлевич Сюзюмов, ученый, обладавший своим независимым воззрением почти на каждый факт византийской истории, исследователь необыкновенно личностный, воплотил в себе все сильные стороны, но в то же время и некоторые из издержек советской медиевистики. Его анализ социально-экономических процессов в византийском обществе, поражающий логикой и силой аргументации, сочетается со стремлением слишком тесно связывать творчество Льва с социальными и даже экономическими аспектами истории. Стоит ли, например, упрекать средневекового историка в том, что «он не понял основных проблем современного ему общества» и «обратил внимание лишь на порочные методы формирования крупного землевладения и на развитие социального гнета, рассматриваемого им, однако, лишь как проступки отдельных лиц» (с. 138). Правоммерно ли утверждение, что «почти вся „История“ Льва Диакона сосредоточена на повествовании о деятельности феодализирующихся магнатов, на их экспансии и на их отношении к императорской власти» (с. 138—139). Войстину не только средневековые, но и современные авторы неотделимы от своей эпохи, и чем ярче ученый, тем четче отражает он черты своего времени!

Раздел о биографии Льва Диакона, пожалуй, наиболее полный свод данных по этому вопросу, существующий в настоящее время в византистике. Собственно, почти все сведения о биографии историка фактически заимствуются из текста его сочинения, а выводы исследо-

вателей — не более как относительно произвольная комбинация этих данных. Вот почему большое число фраз этого раздела М. Я. Сюзюмов начинает осторожными «возможно», «можно думать», «не исключено» и т. п. Ученый объективно изложил мнение своих предшественников, осторожно взвесил все «за» и «против», привел разные гипотезы, не скрыв возможных возражений, и в определенном смысле «закрыл тему» до обнаружения каких-либо новых данных. Такой же характер имеет и глава о рукописях сочинения Льва Диакона. Сколь решителен М. Я. Сюзюмов в решении вопросов социальной истории Византии, столь осмотрителен он при обсуждении источниковедческих проблем.

Раздел об источниках «Истории» Льва Диакона, по нашему мнению, раскрывает еще одну особенность научного почерка профессора Сюзюмова. Как уже говорилось, более шестидесяти лет назад проблеме источников «Истории» молодой Михаил Яковлевич посвятил свою первую научную публикацию, где доказывал существование общего источника для первых пяти книг сочинения Льва и соответствующих разделов «Хронографии» Иоанна Скилицы. Идеи юного исследователя нашли признание специалистов, в том числе столь авторитетных, как Ф. Дэльгер, Д. Моравчик, А. Кэджан. Как это ни покажется странным, в рецензируемом издании М. Я. Сюзюмов не настаивает на своей уже «апробированной» идее, а очень осторожно говорит о причинах возможного совпадения текстов Льва Диакона и Скилицы. Видимо, зародившиеся сомнения (нам кажется вполне обоснованные) заставляют ученого проявить столь строгую щепетильность.

На одном разделе статьи М. Я. Сюзюмова следует остановиться подробнее уже хотя бы потому, что книга появилась в серии «Памятники исторической мысли». Этот раздел — «Мировоззрение Льва Диакона» и особенно та его часть, где говорится об исторических концепциях византийского писателя.

Вновь напоминаем: о мировоззрении Льва Диакона М. Я. Сюзюмов уже писал в 1971 г., и текст рецензируемого раздела книги и в этом случае совсем не совпадает с прежней публикацией. Оценивая исторические взгляды Льва, М. Я. Сюзюмов исходит из своего кардинального представления о византийской цивилизации как о сплаве, синтезе античных и христианских элементов. «Византийское государство представляло собой синтез античности с христианством», — прямо пишет Михаил Яковлевич в разбираемой книге (с. 151). Этот тезис представляет собой теоретическую базу оценок М. Я.

² Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // Византийское обозрение. 1916. Т. 2.

³ Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона // АДСВ. 1971. Т. VII.

Сюзюмовым мировоззрения всех византийских писателей, в том числе и взглядов Льва Диакона на движение истории. С одной стороны, рассуждает М. Я. Сюзюмов, Лев признает беспредельную власть античной богини судьбы или случая Тихи над земными делами, и в этом нет ничего христианского, с другой стороны, Лев неоднократно отмечает вмешательство в течение жизни божественного промысла, что уже полностью соответствует христианской идеологии. Действительно, античная Тиха и христианский Промысел действуют в «Истории» Льва Диакона почти «на равных». Но что это за странный симбиоз, а тем более синтез несоместимых компонентов? А если и синтез, то не должно ли возникнуть в нем новое качество, отнюдь не сводимое к простой сумме компонентов? К сожалению, сторонники теории «синтеза» на эту сторону дела обращают очень мало внимания. Впрочем, не станем занимать места общими проблемами, посмотрим, как «античная» Тиха и «христианский» Промысел сосуществуют в мировоззрении Льва Диакона, действительно ли являются взгляды Льва простым сочетанием античных и христианских элементов. И прежде зададимся вопросом, что конкретно имел в виду Лев Диакон под обоими понятиями, как и в каком смысле используются они в его сочинении. Начнем с Промысла. Как известно, Промысел (Πρόνοια) — прежде всего функция Бога, и в ранней византийской хронистике в подавляющем большинстве случаев это понятие употребляется с уточняющим определением *πρόνοια θεοῦ*. На этом фоне обращает на себя внимание то обстоятельство, что у Льва, в отличие от его предшественников, *πρόνοια* употребляется «абсолютно» (Leo Diac. 12.12; 23.18; 42.8; 43.18; 69.19; 105.29 etc.) и только дважды в сопровождении «уточняющих» эпитетов (*ἡ θεία πρόνοια*. — Ibid. 167.3; 173.4—5). Не следует ли отсюда сделать вывод, что *πρόνοια* в сознании Льва приобретает более абстрактный и даже философский характер по сравнению с прежней христианской историографией. Абстракция, если угодно, философизация представлений о высшей трансцендентной силе, правящей земными событиями, отражается, видимо, и в том, что *θεός*, бог почти во всех случаях уступает у Льва место дехонкретизированному *τὸ θεῖον* — «божество» (см., например: Ibid. 128.5; 129.9 etc.), а в иных случаях и *ἡ κρείττονον ῥοπή* или просто *ὁ κρείττων*. Нередко, безусловно, выбор того или иного слова для обозначения высшей направляющей силы может зависеть от стилистических и иных побочных причин, а сами эти слова можно было бы

рассматривать как простые синонимы. И это было бы действительно так, если бы речь шла об отдельных случаях, а не о сравнительно массовом материале и, следовательно, некоей тенденции, проявляющейся в произведении. Промысел у Льва настолько абстрактизирован, настолько отдален от земных дел, что играет сравнительно малую роль в изображении земных событий. Картина мира в «Истории» Льва весьма отлична от элементарной, но вполне упорядоченной системы его предшественников, где Бог управлял течением земных дел, карал грешников и воздавал праведникам. Главное, что видит Лев в окружающем его мире, — постоянная изменчивость, непредсказуемость и непредвиденность всего земного. «Ничто человеческое не остается незбылемым и недвижимым, но превратно все и скоротечно и, наподобие игральные кубиков, обращается и поворачивается разными сторонами» (Ibid. 47.17). Приведенная жалоба (в ней, конечно, не найдет ничего оригинального человек, сколько-нибудь начитанный в античной литературе) — только одна из многих аналогичных, которыми пеэстрил текст произведения. Это представление о зыбкости и непредсказуемости всего земного естественным образом ассоциируется у Льва с образом античной богини Тихи, неоднократно появляющейся на страницах его книги. Широко распространенная в поздней античности, преданная проклятию благочестивыми византийцами, Тиха вновь возрождается у Льва Диакона, чтобы стать на этот раз олицетворением, а в ряде случаев и простым синонимом ненадежности и нестабильности земных дел. Подчеркнем еще раз, не соединение античного и христианского характеризует мировоззрение Льва, а его представления о мире в определенной мере облакаются в уже готовые античные формы (этот «античный маскарад» характерен для многих эпох и регионов). Весьма любопытно также «этическое» разграничение у Льва функций Тихи и Промысла. Тиха споспешествует героям «отрицательным», Промысел благоволит к положительным⁴.

⁴ Особенно наглядно это проявляется в речи Никифора Фоки, где все успехи арабов объясняются «мерзостью Тихи» (*μοχθηρία Τύχης*), а успехи христиан — действием Промысла (Leo Diac. 12.5 и след.). Более подробно о взглядах Льва Диакона на движение истории см. наши соображения: *Ljubarskij J. Homme, Destin, Providence // La Philosophie grecque et sa apportée culturelle et historique. Moscou, 1985.*

Вообще, с нашей точки зрения, мировоззрение и мироощущение Льва Дякона нуждаются в пристальном внимании. Напомним, Лев первый после VII в. византийский историк с ярко выраженной субъективной позицией и четкими непосредственно выражаемыми взглядами, явно более сложными и оригинальными, нежели «соединение античного и христианского».

Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин. М., 1988. 271 с.

Рецензируемая книга вызывает острый интерес прежде всего необычностью постановки исследовательской задачи. Авторы отнюдь не интересуют чисто фактические, подчас прекрасно уже изученные механизмы принятия христианства в тех или иных государствах, княжествах и т. п. Сравнительно небольшое по объему, но весьма масштабное по характеру охватываемых проблем исследование ставит своей основной целью реализацию системного подхода к изучению данного исторического процесса. Подвергая фронтальному анализу процессы христианизации на громадных пространствах Центральной и Юго-Восточной Европы, авторы всюду останавливают свое внимание на главных моментах: какова стадия социально-политического развития к моменту принятия христианства; каким было соотношение роли внутренних и внешних факторов, определивших именно христианизацию; причины восприятия идеи западнокристинанской или восточнохристианской церкви; основные этапы христианизации; роль церкви в раннефеодальном обществе, отношения со светской властью; реакция на христианизацию народных масс.

Создание столь хорошо организованного контекста, по замыслу авторов, должно иметь немалый эффект, так как в рамках системного подхода при реализации исследования выявляется некая общая и довольно четкая структура процесса христианизации. Сквозь призму этой структуры возможен более глубокий анализ и осмысление ряда моментов, трудно поддающихся исследованию в их, так сказать, изоляции от иных потоков системы.

В книге изучены процессы христианизации в Карантанском княжестве и в среде славянского населения Византии, в Болгарии и у южных славян Балканского полуострова и Адриатики, в Великой Моравии и Венгрии, в Чехии, Польше и в среде полабских славян.

Практически во всех регионах до-

Остается выразить горькие сожаления, что наши аргументы уже не в состоянии парировать сам профессор Сюзюмов. Он наверняка был бы рад услышать возражения своим взглядам. Михаил Яковлевич был увлекательным полемистом и лучше других понимал, что только в споре рождается истина.

Я. Н. Любарский

вольно явственно обнаруживается объективная предрасположенность к христианизации в силу соседства тех или иных языческих народов и их включенности в орбиту внешнеполитического и культурного влияния могучих христианских государств: империй Каролингов и Византийской. Почти все регионы испытали этап раннего проявления этого влияния в виде постепенного проникновения деятельности христианских миссионеров-проповедников. Разная степень восприятия идей христианства на этом этапе была обусловлена прежде всего политической ситуацией. Сильное сопротивление христианизации встретила прежде всего там, где она отождествлялась с потерей политической независимости (полабские славяне). Однако именно там мирное миссионерство быстрее всего переходило в насильственную христианизацию. Лишь политика Византии по отношению к своим «внутренним» славянам была здесь явным исключением.

Наиболее общей и вместе с тем наиболее важной закономерностью для политической ситуации Центра и Юго-Востока Европы является тот факт, что зарождение у тех или иных славянских языческих народов классового общества и государства с неизбежностью вело к христианизации. Именно она в данном ареале была способом утверждения идеологического, культурного и политического паритета в межгосударственных связях и отношениях. Огромная роль этого фактора в жизни тогдашних социополитических организмов вполне очевидна. Ведь классовые общества этих регионов, как правило, вырастали из обществ «военной демократии», где войны были одним из важных способов получения прибавочного продукта. Там, где создание государственного организма несколько обгоняло формирование его классовой опоры, наблюдалось явное замедление процесса христианизации, осложненность его протекания различного рода социальными взрывами в виде антихри-